

СТО стихотворений
Виктор ГОФМАН

СТО стихотворений
Виктор ГОФМАН

Виктор.
27.2.15.

Москва
ПРОГРЕСС-ПЛЕЯДА
2014

УДК 821.161.1Гофман В.Г.
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г74

*На обложке –
Гарри Гордон. Фрагмент картины
«Поезд ушёл». 2000-е*

Гофман, Виктор.

Г74 **Сто стихотворений.** – М. : Прогресс-Плеяда, 2014. – 140 с.
ISBN 978-5-7396-0300-5

В новую книгу Виктора Гофмана вошли избранные
стихотворения последних десятилетий.

УДК 821.161.1Гофман В.Г.
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-7396-0300-5 © В.Г. Гофман, 2014
© Д.В. Логинов, оформ. серии, 2014

КАНТОР

Как хорошо зимою слушать вьюгу,
А летом дождь – забывшись у окна,
В осенний вечер – завершая фугу,
Хлебнуть глоток любимого вина.

Входить в орган в камзоле небогатом,
Со свадеб деньги брать и похорон,
Строгать детей, судиться с магистратом,
И в судный день поскрипывать пером.

* * *

И ревёт, и лижет вол
Рваную ноздрю,
Твёрдо я его привёл
Прямо к алтарю.

Этот вол не знал ярма,
В стойле тосковал,
И отборные корма
Царственно жевал.

Крепко я к нему привык
На полях густых,
И немой его язык,
Может быть, постиг.

Посмотри – как он тяжёл:
Тучен и высок;
Кровь взовьётся под ножом,
И уйдёт в песок.

Нам не нужен в белом жрец,
Флейты и цветы,
Просто жизни под конец
Жертву принял ты.

ДВОРИК

Кирпичный дом конца сороковых,
На стенах – солнце осени сухое;
Спасенье рядом – просто ты отвык
От чистого и ясного покоя.

Но маленькие птички так поют,
Так много в небе желтизны и сини,
Что понимаешь – это твой приют,
Мираж осенний посреди пустыни.

Бесцельный луч, скользнувший по стеклу,
В горшочках позабытое алоэ,
И птичий гимн последнему теплу,
И к сердцу подступившее бывшее...

Помилуй боже, что там взорвалось
И понеслось средь хаоса и пыла,
Чтоб для меня тепло твоих волос
Дворовая скамейка сохранила.

И облакал в матерью базон
Частицы, пронесившиеся рядом,
Чтобы летели листья на газон
Перед усталым, полусонным взглядом.

КОМАНДИРЫ

Не в гулких коридорах
Подвальных этажей,
Не на глухих просторах
Колючих рубежей.

Давно кожанки эти
Смешались с грудой тел,
Когда мятежный ветер
Над крепостью свистел.

Там и полёг когда-то
Ослепший комсостав,
На красном льду Кронштадта
В метели заплутав.

БЛОК

Четвёртый день метель кружилась
Над воем обречённых псов,
А ночью Вырубова снилась
И гулкий камеры засов.

Ты помнишь, шелест манифестов,
Штыков встревоженную сталь,
Когда в присутственное место
Спешил усталый секретарь.

Бранили Гришку в кабинете,
И кто тогда подозревал,
Куда ведут допросы эти,
В какой разбрызганный подвал.

Ещё к отечеству любовью
Гневилась каждая строка,
Ещё блевотиной и кровью
Полы не хлюпали в ЧК.

От ленточки стенографистки
Ещё не потянулась нить
В метель без права переписки,
И в смерть без права хоронить.

И пусть судьба тебя хранила
От этих чрезвычайных мер,
Перо обмакивать в чернила
Ты и для лучшего умел.

...И вот опять в упрямом снеге
От Пряжки и до Моховой
Бреди в мороку редколлегий
Литературы мировой.

В холодный улей заседаний,
В гуденье истин прописных –
Вдоль уходящих в Лету зданий,
Где вонь в подъездах ледяных.

И ветер над столицей хмурой
Разносит с вьюгой эту вонь,
И мировой литературой
В буржуйках теплится огонь.

ВАЛЬС

Воздушно, наивно и кротко.
Как счастья девичьего всхлип,
Когда показалась пролётка
Вдали зеленеющих лип.

Беспечно, прозрачно, далеко...
Как облако в чистом пруду.
Как пряди над строчками Блока
В каком-нибудь зыбком саду.

Я слышу – шуршат по паркету
В счастливом порыве шелка;
Последнее мирное лето
Флиртует и шутит пока.

Как будто сквозь горечь опалы,
Сквозь хаос и дым мятежа
Последние, лёгкие пары
Ко мне долетают, кружа.

* * *

Скучно шахтёру бродить среди пальм и акаций,
 Нечем ему, хоть убей, скудное утро занять –
 Море ещё не прогрелось, и пусто на пляже,
 И до сезона закрыт даже газетный киоск, –
 Северный ветер, неразговорчивый спутник,
 Сопровождает в бедной прогулке его.

Время не хочет идти...

Белые сброшены в море.

Явных и тайных врагов кости лежат в мерзлоте.
 Кровью немислимых лет

флаг водружён над Берлином.

Чудо-заводы гудят, и вся перепахана степь.

Что же поделать ему? Ещё далеко до обеда.

Снова, что ли, идти кольца на доску бросать?

Долго летят и летят в воздухе красные кольца,

Гулко о доску стучат, шлёпаются на асфальт...

Чёрт бы побрал этот год! Эти законы, указы.

Винный в округе запас из магазинов изъят.

Снова понуро бредёт он на скучающий берег.

Долго стоит и смотрит, хмуро прищурившись, вдаль...

Северный ветер гуляет по пляжам безлюдным.

Однообразно плеща, Чёрное море шумит.

* * *

Ах, вам наверно незнакомо,
Какая это благодать,
Как после пленума обкома
Парку приятно наподдать.

И, развалившись в финском кресле,
Бесплотный ощутить покой,
И вовсе рай короткий, если
Икра и пиво под рукой.

Но и, в предбаннике потея,
Порой кольнёт подспудный страх,
Пока ещё гудит идея
На убывающих парах.

Пока грядёт, как Кир на Креза,
Князьям зарвавшимся грозя,
Та изначальная аскеза,
Самозабвения стезя.

Она тебя загонит в угол,
На ранний отдых обречёт,
Чтоб ты внучат своих баюкал
И пост в Москве не брал в расчёт.

Но не затем ли реки крови
Текли в карающий барак,
Чтоб ты, блаженно вскинув брови,
Вздыхал, распаренный как рак?

Но не затем ли путь героя
Лежал меж каторжных трясин,
Чтоб в бане с пивом и икрою
Сидел Петров, бедняцкий сын?

* * *

Он проходит походкой упругой
Из салона в Каретном ряду
К мерседесу с надменной подругой,
Что-то в трубку рыча на ходу.

И подруга, глаза свои сузив,
Обращает к нему макияж...
Бедный мальчик в рабочем картузе,
Заглядевшийся на экипаж!

Там её, укрывая крылаткой,
Увозил фатоватый корнет...
Взял своё он заждавшейся хваткой
Через семьдесят загнанных лет.

Стал он всем вопреки лихолетью,
Как и пелось – но только сейчас,
Совершив революцию третью
Без лужги утопических фраз.

Круто он по Москве проезжает,
И теперь уже парень иной
Долгим взглядом его провожает,
Возвращаясь со смены домой.

КАЛЬВИН

Ещё вчера лежащий в прахе
Воспрял сегодня и дерзит;
Спросонья изживает страхи,
И в спину кулаком грозит.

Но ветер праведного гнева
Разбудит хаос в свой черёд,
Ещё униженно Женева
Тебя обратно позовёт.

И, в каждый дом войдя без стука,
Как прежде, станет обучать
Твоя бескровная наука,
Беспрекословная печать.

И разжиреет соглядатай,
И сдастся городской совет;
И вскрикнет, пламенем объятый,
На людной площади Сервет.

Ну, что поделаешь с народом –
Всё что-то ищет наугад,
Хотя меж хаосом и гнётом,
Увы, но выбор небогат.

ГЛУХОВО

В телогрейке, с работы, нестойко
Ты в потёмках плетёшься в село,
Не коснулась тебя перестройка,
Ускоренье тебя обошло.

Промычало тебе бездорожье,
Просвистела российская ширь,
Что заоблачно Царствие Божье,
А изгнанье – тоска и пустырь.

Снова с ветром встречается ветер,
За смурным разрастаясь столом.
Так и в рай ты войдёшь, не заметив,
Бормоча свой бессвязный псалом.

КАВКАЗ

Мужали вы там, где парят орлы,
И к жизни гибельных сражений
Вас проповедь вела Кази – Муллы
И Шамиля холодный, хмурый гений.

Когда одни в сплошном кольце солдат
Они обнялись у мечети,
Вам не было уже пути назад,
Аллаха праведные дети.

Но вёл полки имперский барабан
И заглушал мелодию намаза...
Теперь здесь честно выполняют план
По сдаче шерсти, молока и мяса.

Живёт народ. Чего ещё желать?
К чему тоской будить воспоминанья?
Забывтую заменит благодать
Подъем широкий благосостоянья.

Но видится среди обжитых скал,
Общественных столовых и ликбезов,
Как Лермонтов невольный здесь скакал
И шайку вёл своих головорезов.

Иль, с богом и людьми утратив связь,
И мёртвой скукою задеты,
Чтоб села жгли, и в небо кровь лилась,
Хотите вы, безумные поэты?

Широким гулом радует обвал,
И не страшит жестокость полководца;
И, плоть живую жертвуя словам,
Неужто сердце вдруг не ужаснётся?

В грядущий век не веря золотой
И в преданности небо убеждая,
Рискуете бессмысленной землёй,
Иное царство утверждая.

1985

НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА

Опять, опять перевернись.
Уже который час не спится.
Метель метёт. Уходит жизнь.
Встают и исчезают лица.

У ночи очертаний нет.
И не садятся самолёты.
И слился хор далёких лет,
В усердьи детском глядя в ноты.

В одном усилье тянут все
Самозабвенно и негромко,
Или на взлётной полосе
Свистит и стелется позёмка.

И вьюга бьётся о стекло,
Как страсть бессильная в разлуке,
А сердце словно затекло
От неподвижности и скуки.

До рейса так и доживём
В полутревоге, полудрёме,
Ворочаясь в краю чужом
И на чужом аэродроме.

КОМАНДИРОВКА

Михашу Синельникову

Ни жизни гимн в весеннем парке
В сирени последождевой,
Ни упоённый ветром, яркий,
Упругий серфинг над волной.

Ни снег, искрящийся просторно
Вокруг ликующей лыжни,
Ни брызги утром речки горной –
Уже сквозь годы не видны.

Одна стоит, не оседая,
Уже бессмертная почти,
Степей киргизских пыль сухая,
Как поступь дней в конце пути.

Равнины выцветшей, убогой
Сухая в трещинах тоска,
И клубы пыли над дорогой
За маятой грузовика.

ВОСТОК

Где томится веками
Раскаленный Восток,
Только солнце и камень,
Только мертвый песок.

Как мольба без ответа
Из тоски мировой,
С высоты минарета
Изнывающий вой.

И дыханье пустыни,
Как изгнанья печать,
Чтоб забыть о гордыне
И по раю скучать.

МАЛЕЕВКА

Забыть обо всём, и сбежать бы
От белых колонн на крыльце
По твёрдым ступеням усадьбы,
И спрыгнуть у клумбы в конце.

Вдоль сада и мимо беседки
В кроссовках легко пронестись;
Лететь и отбрасывать ветки,
Ликуя, стремительно, вниз,
Где к пруду тропинка крутая
Вся в зарослях – жизни полна –
Где ждёт на воде золотая
В привязанной лодке она.

НАД НЕВОЙ

Бывает, жизни жаль немного:
Уже свободная река
Бежит – и всё острее тревога,
Нежней и ближе облака.

Когда над ярким парпетом
Стоишь с открытой головой,
И обдаёт летящим светом
Студёный ветер над Невой.

И по искрящимся кварталам
Под беспощадную весной
Бежишь с прозреньем запоздалым
О жизни свежей и сквозной.

Пока твоя необратимо
Бессильно тает вдалеке
Последней серой, грузной льдиной
На обновившейся реке.

КРЫМ

Сергею Цигалю

«Зачем шумит бессмысленная пена,
Опять, опять на берег наползая;
Зачем прибой вздыхает, как живой,
Где видано, чтоб мёртвое дышало?» –
Стоял у моря и шептал Волошин.

Не так давно в Ливадии осенней
Перед семьей бодрился Александр,
Но Бога звал, измученный водянкой,
И угасал могучий бородач.

А рядом дрался шишками на крыше
Наследник и последний русский царь...
Играй, играй – ещё далеко Псков,
Сибирь, тоска и холодок подвальный.

«Зачем шумит бессмы...» – шептал Волошин,
И Белый шёл со Штайнером под мышкой,
Цветаева – ещё совсем ребенок –
Сбегала вниз по мягкому песку.

Что будет здесь через десяток лет,
Когда к воде приблизятся разрывы,
И под завязку пароход последний
Прощальным басом берег позовёт.

Куражились, погоны отрывали,
И на погрузку гнали, как животных,
Штыками торопили, матерились;
И стонущие баржи шли на дно.

Бродили здесь голодные крестьяне,
Притихшие, растерянные тени,
С застывшей мукой в тающих зрачках:
«Куда податься?»...

Но уже цвели
Советских здравниц клумбы и фонтаны.

Когда гурьбой смеющейся в спортзал
Врывались полосатые футболки,
Уткнув в бушлатик подбородок колкий,
В сибирской зоне Осип замерзал.

К мечетям жались местные татары
Перед глухим путём в тартарары.
Шестидесятых лёгкие гитары,
Романтики последние костры.

Потом сукно бильярдное терзали,
Мусолили шестёрки и тузы
Шахтёры со свинцовыми глазами
Перед лицом порубленной лозы.

Но вот на берег хлынула валюта,
И бодро застучали молотки;
И брызги от шампанского салюта
Заляпали палатки и лотки.

И всё смешалось: бритые амбалы
С тяжёлыми цепями на груди,
Журнал с портретом Барака Обамы,
Ночные бары, столики с блядьми,

Волошинские чтенья и стриптизы,
Рулетки, караоке, шашлыки,
И путают затейники репризы,
И шлягеры меняют кабаки.

Где так орёт охрипший микрофон,
Что у вершин закладывает уши.
Уже без сил у столиков трясутся,
Несут шашлык, меняется посуда,
В сортире в спешке давятся слюной, –
И бесится, не успевая, жизнь
Урвать своё перед грядущей бездной,
И с визгом лезет в море,
и блюёт...

А утром – над бледнеющим заливом
Прохладные проходят облака.
На набережной тихо и пустынно.
И ветер с моря мусор шевелит.

Лишь редко чайка вскрикнет у воды,
Да каблучками гулками стучит
Случайно загулявшая девчонка
В вечернем платье – отсыпаться всласть...

Зачем шумит бессмысленная пена?
Бог ведает, зачем она шумит.

МОНАХ

Илье Смирнову

Солнца назойлив диск.
Спины черны людей.
Чавкай в грязи – трудись,
Скоро сезон дождей.

В пряный и влажный зной
Выйдет просить в домах
Высохший и прямой
В жёлтом плаще монах.

Сгорбился в поле труд
В полчищах мошкары;
Снова его гнетут
Тягостные миры.

Сколько бы ни пришлось
Странствовать без конца,
Он их пройдёт насквозь,
Не расплескав лица.

Там, где небесный лёд
Высится над плато,
Нежно его зовёт
Царственное ничто.

Он соберёт еду,
В сонный вернётся храм;
Скоро и я уйду
Странствовать по мирам.

КОМАР

Г.Д.

Из каких – пискляв и мелок –
Занесло тебя миров,
Бич зелёных посиделок,
Отравитель вечеров.

Не расслабиться у пруда,
Не задуматься в лесу –
Всюду голос твой, зануда
С тонким жалом на весу.

На ночь форточку закроешь –
Нестерпима духота,
А измучишься – откроешь –
Снова ноет темнота.

Включишь свет – исчез негодник,
А погасишь – милуй бог, –
Как настойчивый охотник,
Дует в свой несносный рог.

О, каким нездешним мукам
Обрекаешь ты людей,
Уязвляя острым звуком,
Неотвязчивый злодей!

Встал – ногой ударил об пол,
Взял – зверея – «Огонёк»,
Всех как будто перехлопал –
В красных точках потолок.

Но во тьме тревожной снова
Приближается, кружа, –
Как предвестие Иова
Против неба мятежа.

Ну, а ты не богоборствуй,
А скучай и пой во мгле,
Постоянству и упорству
Мой учитель на земле.

ЁЖИК

Средь вечеряющих дорожек,
Когда сгуститься тьма спешит,
Порой в сторонке глупый ёжик
В траве проворно прошуршит.

На звук живой два шага сделай,
Всмотрись получше – вот и он,
Свернувшийся комочек серый,
Застыл, притих, насторожён.

Прости, мне Господи, плутанья
И дни слепые – в этот миг
Благодарю существованье
И не жалею, что возник.

Когда он в иглы брюшко прячет,
Вся жизнь моя, склонясь над ним,
Опять смеётся, любит, плачет
Над смертным всем, над всем живым.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Ничем меня толстушка не прельстит.
Она, обуза в длительном полёте,
В постели и потеет, и пыхтит,
И тяготит обильем тяжкой плоти.

Но это чудо с резвой худобой,
Изяществом и гибким, и игривым,
Когда овал, когда изгиб любой
Упруг и гладок под твоим порывом.

Когда она с полуоткрытым ртом
Напряжена – и всё-таки воздушна –
Как под грозой раскрывшийся бутон,
Твоим внезапным прихотям послушна.

Нет, только с ней – ликуя глубоко,
Ты воплотишь сполна воображенье,
Сплетаясь и свободно, и легко
И на ходу меняя положенья.

Лишь с ней – к причалу жаждою движим,
К нему гребёшь сильнее и сильнее,
Пока с последним стоном затяжным
Не изойдёшь восторгом вместе с нею!

* * *

В.Л.

Как ты ворочалась в постели,
Как ты ласкала не любя;
Я не встречал нигде пустее
И равнодушнее тебя.

Но, как сбегала ты нагая
В шумящую прибоем мглу,
Как лука тетива тугая,
Пустить готовая стрелу.

Зверёк, попутчица, актриса...
Но побежал бы за тобой,
Когда во славу Диониса
Звучат кимвалы и гобой.

Чтоб в дикой роще у залива
Среди обветренных олив
Настигнуть в ярости счастливой,
Легко на землю повалив.

Нет сердца в глубине соцветий,
Их веселит гуденье пчёл,
Одна пыльца – их добродетель,
И бог – изменчивый Эол.

ЕЛЕНА

Такие ресницы на распри и войны
Народам дарила ревнивая Гера,
И гневом гудели эгейские волны,
Когда на восток уходили триеры.

И плечи поникли измученной Трои,
Пока у соперников вязли сандали,
И в рыхлый песок оседали герои,
И сильные птицы на мёртвых слетали.

Чтоб лёгким хитоном прикрытое тело
Некрепкою юностью благоухало,
Чтоб только цепочка небрежно звенела
По мраморным плитам у тронного зала.

О ЛИЦАХ ДАЛЬНИХ

*

Люблю в затишье прерванного бега
 С лыжни морозной поглядеть кругом,
 Сухой ковыль над искорками снега
 И деревеньку дальнюю с дымком.

Люблю арбуз – природы совершенство,
 С победным треском празднуя надрез,
 Вонзаться жаждой в алое блаженство,
 Во влажный дар твоих сухих небес.

Встречать улыбкой первый плач незрячий,
 Смотреть с печалью старости вослед;
 Отогревать над мордою собачей
 На сердце наледь безучастных лет.

Но всё нам дарит лишь одно творенье,
 Один земли настойчивый магнит:
 Глазам – отраду, плоти – наслажденье,
 И жалостью, и нежностью томит.

ТАНЯ

Не близки мне посевы имперские:
 В алых галстуках клятвы, салют –
 Только зорьки твои пионерские
 Вдалеке, полыхая, встают.

Утро каждое радио звонкое
 Пробуждало твоим голоском,

А на даче глазастой девчонкою
Прибегала ко мне босиком.

Как же годы легко забываются,
Примелькавшись, быстрее летят –
Только синие ночи взвиваются
И в созвездья кострами искрят.

На площадку начальную, летнюю,
Повинуясь далёкой трубе,
Выхожу на линейку последнюю,
Плачу – и салютую тебе.

ИРА

Бродил по городу, приехав,
И знал, что ты уже летишь,
И тихо улыбался Чехов
С больших расклеенных афиш.

В пенсне усталом и нестрогом
Он видел – в зное и пыли
Изныла степь под Таганрогом,
И скучно сохнут ковыли.

И через год ты выйдешь замуж,
Уедешь от родных афиш
За долгий океан – а там уж
Совьёшь гнездо, детей родишь.

И лишь сквозь годы дразнит снова
Твой карий, твой угрюмый зов,
И лёгкий ветерок с Азова,
И бой гостиничных часов.

ВИТА

Всё мерещится – маленькой, гибкой,
Мимолётной, как влаги глоток,
С неразлучной в чехольчике скрипкой;

И за лёгкой славянской улыбкой
Азиатский влечёт холодок.

На аллеях твой облик некрепкий,
Невесомая поступь твоя –
Так витают в свету однодневки
На незримом краю бытия.

Ты играла за горсточку гривен
В ресторане у южных огней,
И меня оживила, как ливень –
Изваянье засушливых дней.

Может это задумал Бетховен
У бессонной тоски ночника,
Но в чаду сигарет и жаровен
Бесприютно порхала рука.

Не унять угрызений с годами.
Как же ты не сумел, не сберёг
Эту скрипочку – в дыме и гаме,
Полосующий сердце смычок.

*

Без ревности, тревоги и обиды
Вы все со мной – я всех вместить могу,
С кем я бродил по берегам Тавриды,
И вдоль сугробов в иглах на снегу.

Усталые от лет несправедливых,
Бескрылые от сумок и тоски, –
Как в дальних днях – беспечных и счастливых, –
Вы лишь во мне подвижны и легки.

Кто знает – может, кончится дорога –
И юные мы так же воспарим
В прохладном и просторном сердце Бога,
В начале нас возлюбленные им.

МЕТЕЛЬ

Бешабашная, дикая сила,
Шумный гость из далёких широт,
Наконец-то метель закружила,
И по всем закоулкам метёт.

Мне безумие снежное ближе,
Чем скучающий дождик смурной, –
Надоело в исхоженной жиже
Чертыхаться и чавкать зимой.

Я люблю этот посвист широкий,
Как в степи пугачёвский набег;
Пусть слепит, и царапает щёки,
Бьёт в лицо нескончаемый снег.

Но, когда, горячась, сатанея,
Я иду на неё всё быстрее, –
Приближение бездны яснее,
Ощущение жизни острее.

БАРАТАШВИЛИ

Я плачу, Арагва! Не ждал, что увижу, –
И вот ты, живая – журчишь, убегаешь...

Застывший, бесстрастный, как снег на вершине,
Белеющий немо над звучной тобою,
Когда его солнце весною коснётся,
Когда он услышит твой зов каменистый, –
Я плачу, Арагва!

Холодным терпеньем иссушено сердце,
Угрюмое горло мне жалость сдавила,
И годы восстали, и тянуться к жизни
Былые надежды...

Окрестных селений слепые отары
Послушно и сонно на склонах пасутся;
Но нет мне смиренья!

И плещутся пенно бегущие волны
О горные камни;
Но нет мне восторга!

И плавные птицы парят над вершиной;
Но нет мне покоя!

А время проходит, прохладой вея...
Я плачу, Арагва!

* * *

Всё знакомо на этой тропинке лесной,
И свернуть мне уже невозможно.
Что ж деревья так странно шумят надо мной
Высоко и тревожно.

У начала творенья не всё ль решено.
Не тверда ли дорога.
Разве то, что нас ждёт, не минуло давно.
Так о чём же тревога?

Слышно – сосны большие шумят в вышине
От вершины к вершине.
Или это тоскует Отец обо мне
И вздыхает о сыне?

Всё сильней пробирает древесная дрожь,
Бессловесная мука;
И не хочешь уже – а всё дальше идёшь
На волнение звука.

В ИТАЛИИ

Г.Д.

Шмеля медлительный полёт
И рядом плещущее море –
В Италии, где всё поёт,
Любая песня – в общем хоре.

И мальчик, славящий Христа,
В органной строгости собора,
И писк овсянки у куста –
Частицы праздничного хора.

Здесь лишь завидишь впереди
Вдали сверкающие горы –
И сердце рвётся из груди
От благодатного простора.

И, гулко падая на дно
И терпкой влагой увлекая,
Поёт и пенится вино,
Через века перетекая.

И в праздники от смуглых лиц,
Кружащих у лозы весёлой,
Текут рулады до кулис,
И от кулис – обратно в сёла.

Всё только – солнце, звук и связь,
В садах цветы и в церкви дети,
И льются в воздухе, лучась –
Крестьяне, птицы, Доницетти.

ВЕНЕЦИЯ

Гиганты бьют полночный час...

А. Блок

1

Там время застыло по милости божьей,
И в улочках тесных течёт неподвижно;
Там голубь воркует со времени дождей
И зёрна клюёт на площадке булыжной.

Столицы и храмы меня утомили.
Но, если освою небесный поселок,
Венеции сизой, как память о мире,
Под сердцем оставь драгоценный осколок.

Пусть улочки эти приблизятся снова,
И в горнем покое кольнут на мгновенье
Янтарные блики канала ночного
И в запахе моря – по жизни томленью.

2

Там, только холодные ветры подули,
Скрывают лицо за картонной улыбкой:
Мелькают наряды, ступают ходули,
И клювы снуют за ликующей скрипкой.

Хватайте подружек под шум карнавала,
Кружитесь у моря в обветренной пляске;
Когда вы поймете, что всё миновало,
Припомните эти подвижные маски.

Когда заскрипите по доскам настила,
Кряхтя над водою, что все перемерли,
Что в мире недолго душа погостила,
И годы першат в неприкаянном горле.

3

Далёко, в России есть город похожий,
Там только мосты над волнами длиннее;
Там бродит подолгу усталый прохожий
В надежде случайно увидеться с нею.

Нелепой под старость мечте потакая,
Ведь столько прошло – как со времени дождей:
И он не такой, и она не такая...
И что мне сказать ей?
И всё же, и всё же...

4

На стены ложатся недолгие тени,
И слышится песня о прелести донны
Под плеск еле слышный о плесень ступеней,
Под шелест вечерний скользящей гондолы.

Смеркается быстро. И матово блёкла
Стальная поверхность. Но мало-помалу
В соседних домах загораются стёкла,
И зыбкие блики бегут по каналу.

А песня всё дальше уходит к заливу,
Слабеющий голос доносит оттуда,
Как лет отдалённых призыв сиротливый,
Как тающей жизни щемящее чудо.

5

Гиганты готовят работу на башне
И ждут в темноте своего господина;

И завтрашний день окликает вчерашний,
Как будто не слиты они воедино.

Неярко мерцая, глядят издалёка
Созвездья несметные над колоннадой,
И ветер с лагуны, тревоживший Блока,
Глаза увлажняет бессмертной прохладой.

* * *

Этот крест не отдам никому.
Это бремя завещано мне,
Как упрямая песня в дыму,
Как пылающий голос в огне.

И, когда догорит на земле
Тяжело развалившийся сруб,
Я – как шорох в остывшей золе,
Немота у запекшихся губ.

Оттого мне и ноша легка,
Что со мной дирижёр говорит,
И над жизнью взлетает рука:
То взлетает рука, то парит.

* * *

Был стройный мир и прочен, и велик,
И в нём стезя прямая нас хранила,
Когда блистал суворовский парик
У неприступных башен Измаила.

Когда своим на славу крепостям
Мы век земной осмысленно трудились,
И плотно кости к дедовским костям
В единую мозаику ложились.

Когда служили доблесть и закон
Опорой духу и подспорьем вере,
Когда стоял державный бастион
В степи вселенной – и смягчал потери.

Но вот размыт спасительный оплот,
И хартии разорвана страница;
И зыбкий мир за окнами течёт,
И нечем нам от бездны заслониться.

ЗАМЕРЗАЮЩИЙ БОМЖ

Где я кружился?
Куда я бежал?
Вот я сложился,
Как в маме лежал.

В чёрную стужу
Богу шепчу:
«Больше наружу
Я не хочу.

Мучить негоже
На рубеже,
Господи, Боже
Вот я уже».

* * *

Всё досталось безлюдью и вьюгам.
Даже Сольвейг уже не поёт.
За полярным спасительным кругом
Одинокое солнце встаёт.

Там хотел бы устать и причалить,
Где тяжёлые ветры свистят,
Где бросается море на наледь,
И над брызгами чайки кричат.

Уповая на слово Господне,
Завершаются наши труды,
Опускаются шаткие сходни
На твердыню у тёмной воды.

* * *

Лучшее, что видел в этом мире –
Девочку, несущую щенка.

ЛЕЙПЦИГ

В узких улочках гуляя,
Зябко ёжится народ;
От Фомы до Николая
Затянуло небосвод.

Ничего давно не ново:
Город, церковь, неба муть;
Старика очередного
Шаткий и недолгий путь.

Гроб трясётся на повозке
Под негромкий стук колёс,
На ветру поют подростки,
Чтоб ему верней спалось.

Широко шагает кантор,
Хоть и ростом невысок,
Тонко ухо музыканта
Слышит каждый голосок.

Хором шмыгая носами,
Грязью пачкая чулки,
Под сырыми небесами
Голосят ученики,

За покойником шагая
Под церковный перезвон,
Башмаками постигая:
Свадьбы лучше похорон.

ДВЕ СТАРУХИ

МАРЛЕН

Зажившись в мире –хватишь горя;
И в пеньюаре голубом,
С бессонницей уже не споря,
Стоишь, к стеклу прижавшись лбом.

Уже выхватывает крыши
Рассвет сквозь утреннюю мглу...
На стенах – старые афиши,
Афиши старые в углу.

Как по утрам встречать постыло
Свои улыбочки со стен...
Как по пути тебя скрутило!
Как сморщило тебя, Марлен.

Из мёртвой жизни так блаженно
Так безнадёжно далеки
Под медным солнцем смех Габена,
И в танках дымные пески.

Садись разглядывать подарки,
Будить тоскою мужиков,
Покуда льётся свет неяркий
У бесполезных пузырьков.

Всё позади: друзья и слава,
Романов горных кружева;
Где к гибели рвалась держава,
Над кружкой дремлет буржуа.

Ты матерей их стала старше
И фантастичней их теней –
Текущих в факельные марши
В ремни затянутых парней.

Они на фронт перебирались
И исчезали без следа,
И только «Дойчланд юбер алес» –
Доносит ветер сквозь года.

Там флаги льются, как лавины,
На горе дремлющим внизу,
И мальчики с отвагой львиной
Вбивают в площади кирзу.

И, руки стройные бросая,
Пронесят бронзу твёрдых лиц
Сквозь узы душные Версаля
В простор арийский без границ.

Где старые трепещут карты
Под ветром завтрашних побед,
И над зарёй плывут штандарты
И голубой альпийский свет.

РИХАРД ШТРАУС
«МЕТАМОРФОЗЫ»

Что остаётся при пожаре,
Когда восходят в небеса
Частицы копоти и гари,
И хриплых немцев голоса.

Чужая речь на каждой штрассе
По праву требует своё,
И дойче фрау низшей расе
Стирает нижнее бельё.

Где медлил и томился Вертер,
Где Заратустра причитал,
Где, утверждая запах смерти,
Горит и рушится квартал,

Где чубчик выроodka чугунный
В золе по-прежнему горяч, –
Плывёт в дыму протяжный, струнный,
Последний, безысходный плач;

Не ищет состраданья в мире,
Не прокликает небосвод;
И в яме – тлеющих валькирий
Чернеет прерванный полёт.

УТРО

Не всегда был злым и веским
Этот лысый господин...
Если утро встретить не с кем,
Налегке пройдишь один.

Вот он – в простенькой рубашке
Бродит у Москва-реки,
Обрывает у ромашки
И бросает лепестки.

Потому, что резко утром
Пахнет юностью река,
И на волнах перламутром
Отливают облака.

И на площади вокзальной
Ярче зелень и гранит,
Где машины поливальной
Веер брызгами кропит.

Далеко – на пальцах перстни,
Деньги, слава и посты –
И под свист счастливой песни
Утром улицы чисты.

У ЗАЛИВА

ЛЕТО

Тропинка пыльная, крутая
Средь чахлых трав,
У моря дремлет чаек стая,
Кружить устав.

По окоёму взгляд скользящий
Куда ни кинь:
В дали сияющей, слепящей
Искрится синь.

И чувствуешь в лучах усталых –
Грядёт закат;
Лишь солнце скучное на скалах,
И треск цикад

ОСЕНЬ

Ищет сегодня приюта
Над опустевшим селеньем
Ветер осенний.

Трогает голые ветки,
Долго играет на гальке
Старой газетой.

Поздняя, хрипая пена
Плещет, назад уползая;
Гул бесполезный.

Чудятся в гребнях бескрайних
Смуглые, хрупкие плечи,
Вечная скрипка.

Жизнь пролетела, и скрылись
Над беспокойной волною
Белые крылья.

КОЗЛОВСКИЙ

Я встретил вас...

Уже последняя дремота
Безволит дряхлые виски,
А он из сердца тянет что-то,
Привстав над миром на носки.

На сцене седенький и ветхий
Дрожит слабеющей струной,
Тоскуя ввысь, как птица в клетке
О прежней свежести лесной.

В пережитое тянет руки –
И в звук перетекает весь
О том, как тяжело в разлуке
Со всем, что отзвучало здесь.

АПРЕЛЬ

О, как блестят, волнуя, ледяные
И рыхлый снег, и талая вода!
Вздыхну весной, припомню дни иные,
Пойду, пойду неведомо куда.

Какой-то луч из жизни отдалённой
Пробьётся и на луже задрожит;
И только ветра пыл неутолённый
В сухих ветвях над слякотью свистит.

Живи вдали. Уже написан Лужин.
И не казись – мне в меру тяжело.
Я лишь плыву корабликом по лужам
Туда, где всё случилось и прошло.

Что в этом солнцем городе залитом
Уже без сил ещё бродить влечёт
И, щурясь, соглашаться с Гераклитом:
Всё на земле и – тает, и течёт.

ЛИДА

Чуть полновата и широкоскула
На побережье всем была чужой...
Как улыбнулась и рукой взмахнула,
Когда отчалил катер небольшой!

По цвету глаз ты блузку надевала
И подводила неумело бровь,
Но и по вечерам не волновала
Парней вином разогнанную кровь.

Скажите мне – зачем, безмолвно воя,
В последний день, по выжженным камням
Я нёс за ней пакет с морской травой
И старомодный этот чемодан.

И больше всех легенд и всех пророчеств
Был этот миг – прощания в порту,
И двух необозримых одиночеств
Покачивало море немоту.

Жизнь проживёт, и где-то в землю ляжет;
И дням моим незрячим вопреки
Меня от ада, может быть, отмажет
Прощальным взмахом маленькой руки.

Но я заметил – лишь её отправил
В объятия морского ветерка,
Как на причале что-то шепчет Павел,
И тихо улыбается Лука.

ПАВЕЛ

о. Валентину Дронову

В ту ночь его бессонница томила,
Он вышел рано, поднятый тоской,
И в сумерках предутреннего мира,
Поёжившись, пошёл на шум морской.

Он продвигался в йодистом тумане
И влагу ощущал на бороде,
И, как редело утро над волнами,
Светлело в нём – он подошел к воде.

Как он любил у моря час восхода,
Когда вдали без края и конца
Сливаются смиренность и свобода
В проникновенной близости Творца.

И все заботы о церквях и братьях,
И проповедь незрячим о Христе –
Теряются в его больших объятьях,
В его неизречимой простоте.

...Неспешно тучный поднимался в гору,
В раздумии качая головой,
За ним – уже невидимое взору –
Блестело море зыбкой синевой.

Он миновал обратную дорогу
И оглядел рассеянно жильё;
Позвал друзей и помолился Богу,
И начал в Рим послание своё.

УТРОМ

Осторожный, худой и небритый
С голубыми пустыми глазами
Ранним утром бутылки на пляже
Собирает в мешок вещевой.

Здесь вольготно! Здесь тёплые ночи –
И не знаешь забот о ночлеге,
Алычи и шелковицы вдоволь,
И на пляже бутылок пустых.

Рядом птицы небесные, чайки
По камням ковыляют вразвалку,
Подбирают остатки съестного
И кричат в предрассветную рань.

Вот кого примечает Всевышний,
Вот кому он дарит милосердно
Мир просторный, пустой и высокий,
День недолгий у райских ворот.

НАЧДИВ

Завершается повесть торжественных лет,
Размывается почва привычных дорог,
Где в обнимку застыли к скелету скелет
Те, кто шёл по пути и кто шёл поперёк.

Так проходят державы, своё отблостав.
Умолкают трибуны, народ возбудив.
И забудется втоптаный в пол комсостав,
Только ты будешь мчаться, уральский начдив.

Пусть в грядущих веках отскрежещут бои,
Чью-то память далёкой волной всколыхнёт,
Как, широкие крылья раскинув свои,
Устремляется конница в вечный полёт.

Пусть к надменно мерцающим дальним мирам
Путь направит в безумии звёздный штурвал,
И развеется боль, и разгладится шрам,
И забудется, кто и за что воевал.

Но недрогнувший Гектор на гибель пройдёт,
Андромаха застонет от смертной тоски;
Захлебнётся горячим свинцом пулемёт,
И счастливая Анка обхватит виски!

КОРТАНЕТЫ

Юрию Лохвицкому

Стол деревянный под навесом,
Речивых тостов череда,
И между пиршеством и лесом
Спешит прозрачная вода.

На блюде лобио зелёный,
Левей – близнец его – шпинат;
И ачмы пухлой пыл слоёный,
И проперчённый маринад.

Душистой коркой загрубели
Индейки сочные бока,
К ним грациозный сацибели
Добавит запах чеснока.

Сыр золотистый в хачапури
Чуть вяжет зубы и язык;
С налипшей гарью – на шампуре
Слегка обугленный шашлык.

...Всё реже тосты поднимали,
Всё чаще пили без затей;
В тарелках – тина из ткемали,
Засохшая среди костей.

Гортанная воркует фраза,
Но всё бессвязней разговор;
Однообразный голос саза,
И склоны меркнувшие гор.

РИО

Не зря мечты и подвиги Остапа
Тянулись к этим пальмам вдалеке,
Там босоного сразу же у трапа
Гоняют мяч горячий на песке.

Чтобы с годами короли футбола
В девятку с лёта поражали цель;
Там карий взгляд мулатки полуголой
Тебя влечёт, как в детстве карамель.

Там в лёгких толпах – радостно и бодро,
Под барабаны проторя путь,
В неутомимом ритме ходят бёдра,
И вся в огнях подрагивает грудь.

Там в край далёкий город возвращает,
Где нагота бесстыдна и чиста;
И молодых танцовщиц не смущает
Огромная над Рио тень Христа.

ИГРОК

Он плутовал всю жизнь: то руку перевяжет,
То ногу волочит, то голова в бинтах,
А истинной игры и трети не покажет;
Поди-ка разберись во всех его винтах!

На этот раз решил он притвориться старым,
Ему не привыкать разыгрывать шута –
Подолгу трёт очки, ворчит перед ударом
И ковыляет час вдоль длинного борта.

Но странные дела творятся в этом мире!
Вдруг видит – одряхлев, жена лежит больна.
Неряшливо в делах, неубрано в квартире,
И с внуком на руках осталась дочь одна.

Ступенек пять пройдёшь – и вот уже одышка,
И слабость по утрам, и колется в боку...
Не веселит коньяк, не радует сберкнижка,
И трудно засыпать под смутную тоску.

* * *

Над биржами Лондона хмуро.
В тумане заводы чадят.
И только герольды Артура
О дальних турнирах твердят.

Где в небо взмечаются трубы,
И в ложах по первым рядам
Тревожно шевелятся губы
Воздушных и преданных дам

Где доблестью в латах сверкают,
И клятвы дают небесам;
А в небе драконы летают,
И тролли бредут по лесам.

СЕРИАЛ

На жёлтом, обжитом диване
Бухгалтер вечером с женой
Ждёт с нетерпением на экране
Свой сериал очередной.

Однообразно и нелепо
Ползут его к исходу дни,
Другое дело – годы НЭПа,
Притона грязные огни.

Или на гребне перестройки,
Валютой в баре заплатив,
Бандит со шрамами у стойки
Глокает свой аперитив.

Как и положено агенту,
Он вжился в заданную ложь,
Он проглотил свою легенду –
Его на фужел не возьмёшь.

Его гетера молодая
На зимней даче приютит,
Упругим телом утоляя
Его геройский аппетит.

С неодолимым пылом фавна
Азарген гость не по годам,
Ведь он откинулся недавно
И по любви изголодал.

Как ловко он внедрится в банду
И перессорит главарей, –
Им скоро вновь хлебать баланду
Или самим кормить червей.

И лишь в конце из-за измены
Его разоблачат враги;
И вот уж – брызгают на стены,
Стекая, красные мозги.

С двумя стволами в куртке серой
Пройдёт кровавый коридор,
И в кабинете за портьерой
Добьёт последнего в упор.

С неукротимым нюхом гончей
И честной доблестью мента
Он с бандой киллеров покончит
И в штабе выявит крота.

Потом с друзьями в ресторане
Обмоет звон своих наград;
И с грустью двое на диване
Зевнут – и скоро захрапят.

Проста дорога – от цифири
К сухим кладбищенским кустам:
Одною скукой меньше в мире,
Одной плитою больше там.

* * *

М.Х.

Что толку в яхтах и копилках,
Когда сдаётся реквизит,
Ещё на дальних пересылках
Нас резкий ветер просквозит.

Ещё вчера судьба ласкала,
И золотой фонтан плескал,
А завтра – хмурые буркалы,
Колючий лагерный оскал.

Как знать – дотянешь до звоночка
С печалью иудейских глаз
Или холодная заточка
Привычный выполнит заказ.

Мы все покорно тянем сроки
В сетях спасительных забот,
Слепые несут нас потоки,
Покуда время не пробьёт.

С неотвратимостью железной
Затянет мощная струя;
И, как планктон – у пасти бездны
Мы вьёмся в волнах бытия.

* * *

...нелепая, любимая земля.

К. Симонов. Поручик

Как живётся, крошечка?

Видно, нелегко.

«Куручка, картошечка,

Водочка, пивко...»

Постоит, уносится

Поезд в темноту,

И разногосица

Смолкнет на посту.

До иного скорого

Хмурого в ночи,

Дяди, у которого

Кончились харчи.

Юркие, усталые

Стайки матерей

Вьются за составами,

Кличат у дверей.

«Куручка, картошечка,

Водочка, пивко...»

Подожди немножечко.

Станет всем легко.

ЖАРА

Настойчивой томит голубизною
Небесный свод, и всё сильнее печёт;
И время, обмелевшее от зноя,
Ленивее, медлительней течёт.

За трапезой вальяжные узбеки,
Степенно разместившись на полу,
От наслажденья прикрывая веки,
К сухим губам подносят пиалу.

Привычно им в полуденной истоме
Беседовать неспешно на ковре;
Всё на местах – жена и деньги в доме,
Аллах на небе, дети во дворе.

Кружатся мухи над зелёным чаем,
В пустых тарелках высыхает жир;
Привычный зной тягуч и нескончаем,
И под высоким солнцем прочен мир.

ДОМОЙ

Брату Саше

Я ещё по тропинке притоптано твёрдой,
По сырому снежку в подмосковном лесу
До заветной калитки со старой щеколдой
Драгоценную нежность свою донесу.

И воспряну в призыве окрестного мая
Там, где к столику лист прошлогодний налип,
Где, безумьем грозя и сердца надрывая,
Разливается запах проснувшихся лип.

Доберусь по затишью с улыбкой неловкой
В отдыхающем воздухе светло пустом
До опавших берёз с бельевой верёвкой
И собаки навстречу с неуёмным хвостом.

* * *

Как это до боли знакомо:
Поваленный серый забор,
Развалины финского дома,
Какой-то строительный сор.

Осколки стекла и щебёнка,
И крыши корявая жесь;
Всё кажется, голос ребёнка
Откуда-то слышится здесь.

Не плач, одинокий ребёнок,
Над вихрем умчавшихся дней,
Вот маленький твой оленёнок
На коврике между камней.

Вот дверка от детского шкапа,
Не тронута веком почти;
А где твои мама и папа,
Прости, я не знаю, прости...

Как быстро и верно темнеет,
Скрывая от глаз кирпичи;
Лишь пылью пронзительно веет
В пустынной и тёплой ночи.

ПЕСОК

Здесь раскалённый добела
Тяжёлый зной плывёт,
Как будто жаром от котла
Из ада обдаёт.

В седле изнемогает плоть,
Стекает пот в глаза;
На чреве – как сказал Господь –
В песке ползёт гюрза.

Никто участливой рукой
Не скрасит смертный час,
И не слеза – песок сухой
Блеснёт у мёртвых глаз.

И побратается с песком
Сожжённый солнцем прах,
И прощуршит невесть о ком
Песком

С песком

В песках.

ДВАДЦАТЫЙ

Потом на знакомом перроне,
И под долгий колёс перестук
Увези меня в тесном вагоне
На вдали догорающий юг.

Пусть дымят, и кемарят от скуки;
Мутноватые стёкла дрожат;
Разобщённые временем руки
Над пустыми полями кружат.

Тянет в тамбуре гарью дорожной,
И гудок замирает глухой...
И пошлёт мне Господь невозможный –
Как из будущей жизни, покой.

Словно в кадрах замедленной съёмки,
Станет мир онемевший далёк;
Пусть толпятся мешки и котомки,
И со станций несут кипяток.

Пусть никто никого не встречает,
Где горит колыбельный закат;
Пусть вагон обречённо качает,
И колёса упрямо стучат.

* * *

Виктору Гольшеву

Так медлит снег, хотя пора настала.
Так беркут набирает высоту.
Так мчатся мимо станции составы,
Тревожно громокая на мосту.

Так дух свободный формы сторонится.
Так ветер моря в сети не поймать.
Так замирает белая страница
В сомненье слово первое узнать.

Так победитель Ганнибал при Каннах,
Глядит в огонь, неведомым томим;
И поутру среди холмов туманных
Встаёт к войскам – и не идёт на Рим.

Так, может, сам Господь всего вначале,
Создать решивший земли и моря,
Чего-то ждал в возвышенной печали
И медлил всё – и, кажется, не зря.

ОСЕНЬЮ

1

Где бесшумно осенняя морось
Оседает в туман городской,
Всё изныло, и перемололось
В безысходной толкучке людской.

Только ветер от жизни остался,
Но его рассказать не могу;
И тоскую, как Павел из Тарса
На закатном морском берегу.

Тяжело к подступающей стуже
Утеплилась по горло Москва;
И летит в неглубокие лужи,
Засыпает столицу листва.

На забрызганном, чёрном асфальте,
Где с бензином смешалась вода,
Засыпайте меня, засыпайте –
Заносите меня навсегда.

2

Он не помнит мелькнувшие годы,
Кто он есть, где родные и дом;
И уносят его пешеходы
В отупевшем теченье своём.

Поздней жизни безвкусную жвачку
И далёких надежд островки –
Стёрло всё – как стирают задачку
Мокрой тряпкой со школьной доски.

Растворяясь в столичном пейзаже,
В ранних сумерках тает пальто;
Может, схватится кто о пропаже,
Может, и не заметит никто.

3

От брелков и ушанок Арбата,
И тяжёлых армейских дворцов
Всё бредёт и бредёт он куда-то
Через мост – вдоль афиш мертвецов.

До чернеющих в лужах окраин
Путь его обречённый лежит:
То ли ищет пристанище Каин,
То ли Вечный скитается жид.

Стал он рано пустым и усталым;
И уносит людская река
По ослепшим в заботах кварталам
Позабывшего всё старика.

ДЕТСТВО

Где лодки на привязи бьются бортами,
И звякают цепи от лёгкой волны,
В тени камышей затяжными рывками
По глади озёрной скользят плавуны.

У мостиков узких в укромных затонах,
У тонких и зыбких прибрежных берёз
Я помню прозрачную жизнь насекомых:
Скольженье жуков, зависанье стрекоз.

Да, всё «суета и томление духа»,
Но мы их к исходу оставить вольны:
Добраться до кромки, улечься на брюхо
И долго смотреть как скользят плавуны.

ГОМЕР

Настраивая лиру у приборя,
Аэд струны касается тугой,
И вот уже – изнемогает Троя,
И бедный Гектор принимает бой.

Когда же пыль взовьёт за колесницей
Влачащееся тело мертвеца,
Восторг и ужас озаряют лица
Перед высокой дерзостью певца.

Как этот грубый панцирь черепахи
И эти струны из овечьих жил
Оцепенеть их заставляют в страхе,
И вместе плакать у чужих могил?

...Сливаясь с ночью, море тихо плещет,
Как в чёрном хор бесстрастный и глухой;
И жаль тебе, что странник этот вещий
Умолкнет за подземною рекой.

Ещё не скоро по глазницам впалым
Дрожь пробежит – и, дерзостный старик,
В заветный час вздохнёшь перед началом
И под рукой нащупаешь тростник.

ПЕТЕРБУРГ

Евгению Рейну

На всю Россию ты простёр
Пыл вдохновений и восстаний;
Ты – весь пространство, весь – простор,
Студёный ветер над мостами.

Напрасно моросят дожди –
Бежишь шагами молодыми,
И жизнь как будто впереди –
В свободе, море и гордыне.

Великий позапрошлый век
Впечатался в твои граниты,
И скоро снова жёлтый снег
Облепит пасмурные плиты.

Здесь Тютчев что-то говорил
С мучительным недоумением
Над неизменностью перил
И всё минующим течением.

НЕМАЯ РЕЧЬ

...иль дней былых немая речь...

А. Фет

Один бы только день! В тумане первых улиц
С вокзала в ранний час представить на ходу,
Что на Крестовском – тишь, и уточки проснулись:
Ныряют в полынью и топчутся на льду.

Сквозь морось добрести, пристать у Грибоеда,
Где дремлет пара львов над мостиком крутым.
Немного отдохнуть... слоняться до обеда...
И каждый миг гореть свиданьем золотым!

Где у просторных льдов застыли две колонны,
Где ветры над рекой пронзительно свистят,
Узнать издалека твой облик оживлённый,
И увидеть вблизи твой чуть раскосый взгляд.

В подвальчике вином согреться у собора,
И, изнывая вновь от этих детских плеч,
Услышать, как вдали – за гребнем разговора,
Мигая, как маяк, – звучит немая речь.

Ты та же, что всегда! Припомни всё, что было.
Скользни по волосам небрежною рукой..
Я долго бы смотрел, когда ты уходила...
Один бы только день! А там – и на покой.

* * *

Скрипачке Вите

К исходу лета высыхает Крым,
Ленивый зной стоит над побережьем;
Не так ли мы – и алчем, и горим –
И долго тлеем, позабыв о прежнем.

Уже вечерним золотом горят
Наплывы волн в чепцах усталой пены,
Уже торговцев говорливый ряд
Везёт товар и выставляет цены.

А девочка опять бежит к воде,
Над галькой ходят острые лопатки.
Хоть век броди – но нет тебя нигде...
Одни лотки, купальни и палатки.

Осталась лишь улыбка у смычка
Восточных глаз то хмурых, то лукавых;
Земля суха, как память старика,
В безжизненных и помутневших травах.

* * *

Я не знаю, мой друг, что сегодня со мной:
Задыхало в лицо, потянуло весной,
Снова влажному ветру тревожно кружить...
Так не хочется жить, и так хочется жить!

Ты не так ли стоял под священной горой,
И в ветвях изнывал зимний ветер сырой?
И у Сены тревожной бессонная тень
Проклинала не так ли начавшийся день?

Так под шелест бульваров, и шум камыша
Одиноко поёт на просторе душа,
И бормочет Бодлер, и вздыхает Басё,
И не знает никто, для чего это всё.

АНДЖЕЙ

Видно смерть до срока миновала,
Просвистела песней снеговой
От морозных лап лесоповала
До окопов мёрзлых под Москвой.

Потерпи – согреешься в пустыне,
Где пески под танками скрипят.
Хорошо им посреди Катыни
Отдыхать от лая и солдат.

А в пустыне – озверев от зоны,
Зэки скопом лезут на редут:
В ярком зное жалят скорпионы,
Зубры* твердолобые грядут.

Вас несметно под конец косило,
Где стояли насмерть егеря
У бессмертных стен Монте Касино,
У кремнистых троп монастыря.

И, когда ребята над Берлином
Отгремели выжившим отбой,
Поредевшим клином журавлиным
Потянулись странники домой.

* Скорпионы, зубры – названия воинских частей в польской армии Андерса.

Но под птичий гам над головою
Отдыхать недолго довелось...
По вагонам – окрики конвоя,
И колючий перестук колёс.

Видимо, за то что не убили,
Ты стоишь средь хвои и пурги –
На просторах, посреди Сибири
Всё нисходит на свои круги.

ЯЗЫЧЕСКИЙ ХРАМ

Здесь только серый камень голый,
Суровый свод из грубых плит,
И воздух затхлый и тяжёлый
Угрюмой сыростью томит.

Не для моления святыни,
Не мук усталых на кресте –
Один алтарь посередине
Застыл в могучей пустоте.

Потомки Ромула и Рема,
Вы правы – путь столетий прост,
Ночное небо смотрит немо
Бесмысленным мерцаньем звёзд.

И лишь окраинный народец
Сквозь россыпь щедрую светил,
В бездонный заглянув колодец,
Участья ветер ощутил.

Средь звёзд узрел мечтатель пылкий
Какой-то знак, какой-то жест;
И на дороге у развилки
Поставил свой тревожный крест.

У ПАМЯТНИКА

Под нависшим беспробудным небом
С горестно поникшей головой,
Заметаемый декабрьским снегом,
Ты сидишь над праздничной Москвой.

Снег ложится на худые плечи.
Тяжело в забвенье замерзать.
Мне тебя укрыть сегодня нечем,
Не утешить, слова не сказать.

Мир проходит – делает покупки,
Приминает тающий снежок,
Толчет души, как алхимик в ступке,
И меня стирает в порошок.

Мне ещё бежать по магазинам,
Тёмный дух заботою терзать,
В смрадном выживании крысином
Десять раз из гроба выползть.

Через век в бессилии усталом
Посмотреть на город тяжело,
С головой накрыться одеялом
От друзей, от мира, от всего.

ИНДИЯ

Не в келье терпеливого монаха,
Где в тишине молитвы и поста
Он гонит тень сомнения и страха
И к милосердью тянется Христа.

Не под крылом великого корана,
Ведущим в рай среди земных трясин,
Где в зыбкости рассветного тумана
Нам утро возвещает муэдзин.

Но там, где сами – отрешенным духом
Тропу спасенья в зарослях торят,
Где никогда земля не будет пухом
В цепи перерождений и утрат.

Где вверх под флейту смуглого бродяги,
Качаясь, изгибается змея;
Воистину, нигде не видел я
Такой могучей, исступлённой тяги
Из губельного круга бытия.

Не здесь ли в день паденья рокового,
Изгнанникам даря прощальный свет,
Сам вседержитель нежно и сурово
Бесплотных губ своих оставил след.

* * *

Причитала стройная в тетрадках
Тихим ветром, веющим в стихах,
Всё о перепутанных перчатках,
Хлыстиках, каретах, облаках.

О смиренности ласковом в разлуке,
О приливах воли мировой;
И лились размеренные звуки
В воздухе поры предгрозовой.

Но Нева туманилась свинцово,
Уводили сына в крестный путь,
Чтоб «упало каменное слово»
На её «ещё живую грудь».

Чтобы муке каменной – не Осип,
Не Борис, а всё-таки она –
Бабий стон на хмурый ветер бросив,
Начертала века письмена.

* * *

И. А.

Всё волновало: голос и походка,
И сдержанный её угрюмый пыл.
Конечно, дурочка, конечно, сумасбродка.
А мне-то что – ведь я её любил!

Мне не забыть полёта этих линий,
Густых волос, спустившихся к ногам...
Недаром вновь, как ветер над пустыней,
Я нёсся к ней – к Азовским берегам.

Но был октябрь... Меня уже не ждали.
И с моря дуло пасмурно и зло.
С холодной пеной волны рокотали,
И по песку какой-то сор несло.

А всё-таки она была такою,
И навсегда останется такой:
Под майским ветром, под моей рукою –
Немногословной, вздорной, молодой.

* * *

На исходе дня
Смерти вопреки
Прямо у огня
Вьются мотыльки.

Несколько минут
(скоро их черёд)
В воздухе ведут
Зыбкий хоровод.

В темноту летят
Искры от костра.
Сокрушайся, брат.
И кружись, сестра.

* * *

Ну, вот и петух прокричал
В рассветную зябкую муть,
И с детства знакомый причал
Отправит в назначенный путь.

Прощай, мой забывчивый друг,
Не майся горячей виной –
Скрипит и вращается круг
Тяжёлый, гончарный, земной.

Отраднo до звёздных миров
Тебя на корме вспоминать,
Смотря, как дымящийся рёв
Тревожит озёрную гладь.

В ЛАМАНЧЕ

В дальнем углу умирающий старец,
Душны и жарки последние дни:
В стойле мычат, домочадцы устали...
Ближних не мучай – с концом не тяни.

Свиньи в корыто тычутся рылом.
Рыхло зевая, крестьяне встают.
Грузят товары и едут на рынок.
В карты играют, и в церкви поют.

Ну, а когда успокоится сердце
Над болтовнёй пожелтевших страниц,
Будут всё также под небом вертеться
Лопасты мельниц и ляжки блудниц.

Всё, что Господь в барабане железном
Перемешал, раскрутил, завертел,
Всё, что в упрямстве своём бесполезном
Ты почему-то принять не хотел.

Завтра в корчме Дульцинеи Тобосской
Будет привычно толпиться народ;
Тучный мужик за скрипучей повозкой
Слёзы на потном лице разотрёт.

ОСЕННЯЯ СОНАТА

АЛЛЕГРО

Когда над морем гибнет ветер,
Упругий обвисает шёлк;
Пожалуй, сам я не заметил,
Как это лежбище нашёл.

Пронизан пылью воздух спёртый.
И здесь терпеть? И здесь чадить?
Чернильницей бросаться в чёрта,
И замки в воздухе чертить.

Искать в шкафу лекарства шарик,
Как и пристало старикам;
И, как слепой, от скуки шарить
По лицам, странам и векам.

Уже затянутые ранки
Вспоминаньем бередить,
И, словно ручкой от шарманки,
Себя размером заводить.

Когда в берлоге вязнет тело,
Выносит на свободу стих...
Как быстро время пролетело
В порывах музыки пустых.

АНДАНТЕ

Плестись по чёрствым дням я больше не хочу,
 И сердце расточать в размеренных химерах.
 Ступаю по листве к случайному врачу,
 Свободе от судьбы учусь в осенних скверах.

Помедленней пройди – и у скамьи застынь,
 И память раствори в смиренности увяданья.
 Смотреть на листопад – и постигать латынь
 В последней простоте прохладную к страданью.

За городом бродя в осенний скучный зной
 Среди иссохших водорослей и мидий –
 Подолгу за изменчивой волной
 Рассеяно следил тоскующий Овидий.

И глядя, как вдали бежит пологий вал,
 Как плавно и легко над ним кружится птица,
 В каком-то забытьи стеклянном забывал,
 Как тяжело зимой, и далеко столица.

...Природа сентября – как чистая тетрадь,
 В которую судьба вписать себя забыла.
 В прозрачном холодке уже не разобрать:
 То было ли со мной – всё, что когда-то было?

АЛЛЕГРО

Михашу Анищенко

Снова тучи сползлись к непогоде,
 То ли дождик сечёт, то ли снег...
 Расскажи мне, поэт, о свободе,
 Позабывшей про тёплый ночлег.

Я о дырах в бюджете жалею,
 Городские удобства ценю,
 Тяжело пожилому еврею
 Не держаться за эту...

Но в ненастную ночь почему-то
При ущербной и мутной луне
Беспощадно, как русская смута,
Поднимается что-то во мне.

Словно в зал ожидания вокзальный,
Где на жизнь затянулся транзит,
Из распахнутой юности дальней
Холодком и презреньем сквозит.

И ненастье свистит и уносит
В откровенье дождя с темнотой,
Где наряды оставила осень
И последней казнит прямою,

Где в потёмках безликих окраин
Из потёртого дождевика
Ветер траурный слушает Каин,
Чтобы дальше брести сквозь века.

Привыкаем в насиженных норах
Близоруко считать колоски...
Ближе Бог на открытых просторах
В упоеньи бескрайней тоски.

В бесшабашной грязи бездорожий,
Шумных ливнях и белой пурге,
Там, где странник скитается божий
Или зэки бегут по тайге.

Где ни крова, ни слова, ни хлеба –
Только близкое над головой
Облаками зовущее небо,
Только ветер – его вестовой.

Хорошо умереть на просторе,
Где, от нас не завися никак,
Рожь торопится, плещется море,
Или просто идёт товарняк...

БАСЁ

Ветер плечи твои согнул,
Истрепал соломенный плащ;
Под его сиротливый гул
Слушай цапли осенний плач.

Говорил о судьбе монах
У теченья большой реки;
И качаются на волнах
Облетевшие лепестки.

До селенья двенадцать ри,
Там заждалась тебя родня;
На холодной заре замри
Перед белым простором дня.

Незаметно промчался век,
И слились впечатленья лет;
И заносит летящий снег
На снегу одинокий след.

СНЕЖИНКИ

Последние листья ложатся
В бессмертную слякоть земли,
И скоро уже закружатся
Под небом родные мои.

Тогда перехватит дыханье,
И ветер на время замрёт,
И мир осенит их порханье,
Их лёгкий, безвольный полёт.

Рассеянным, медленным роем
Витают они надо мной
И будто небесным покоем
Касаются муки земной.

Как будто рукою прохладной
Коснулись горячего лба;
И в этой мелодии плавной
Теряются жизнь и судьба.

* * *

Как я любил сугробы эти,
Покой застывших берегов,
Скрип на дорожке в лунном свете
Сосредоточенных шагов.

Чего ещё просить у Бога,
Когда блажен и одиноч:
Простая, белая дорога
И чистый, звёздный холодок.

Помедли на мосту у пруда,
Под ясной бездною замри:
Перенесись ко мне оттуда,
Меня по крохам собери.

От этой жизни мутно-серой,
Упрямой спячки и стыда
К истокам мужества и веры
Веди меня через года.

Как Моисей к огням Синая
В песках сомнений и невзгод,
Высокий посох поднимая,
Вёл маловерный свой народ.

КНОРОЗОВ

У лампы над столом немеркнувшей упрямо,
У спящих стеллажей кунсткамеры ночной
Всю жизнь ты уходил от будничного гама
В мерцающий язык, в далёкий мир иной.

И ты увидел их – под занавес, на вдохе –
Чей первобытный зов несказанным томит,
Свидетелей тобой разгаданной эпохи –
Средь зарослей густых ступени пирамид.

И ты, сложивший жизнь к далёкому подножью,
В испарине дрожал, вода по ним рукой;
Так в наслаждении дрожат последней дрожью,
И в муках перед тем, как обрести покой.

Когда погрязло всё в базаре и раздоре,
Исполнивший судьбу ты как-то сразу сник;
И уходил один в больничном коридоре,
Как уходил всю жизнь в неведомый язык.

* * *

Чтоб не месить грязь,
Надо унять рысь,
И оборвать связь,
И унестишь ввысь.

Перекусив нить,
Лёгок полёт лет,
Но тяжело быть,
Если тебя – нет.

* * *

Есть место на земле, где Бог меня приметил:
Там запахи полей доносит летний ветер,
Там, занимая день бессмысленным трудом,
Под вечер приходил к берёзкам над прудом.

Я поднимался в пять, пускаясь в путь недалёкий
От клумбы у крыльца до маленькой купальни,
И, обжигая плоть дремавшею водой,
Бросал за взмахом взмах в гордыне молодой.

Там есть одна тропа за небольшим оврагом:
Лишь ступишь – и идёшь бодрее с каждым шагом –
Свободен и блажен – особенно зимой,
И вся твоя судьба – как этот путь прямой.

Я там и ночью шёл, сливаясь с лесом чёрным,
По узкой просеке скрипел снежком упорным,
И видел у вершин далёкую звезду..
И долго шёл один... И до сих пор иду.

ГЕРМЕС

1

Когда мычало угнанное стадо,
И подгонял его горячий свист,
Чего тебе, посыльный, было надо?
Чего ты ждал, небесный аферист?

Иль знал уже, что избежишь возмездья
И зорких стрел бояться не резон:
Коснёшься струн – и обомрут созвездья,
И всё простит за пеньё Аполлон.

2

Крылатые сандалии постыли
Или на Зевса шестерить устал,
Но полюбил – застыть среди пустыни –
И волю дать взволнованным перстам.

И на безлюдьи – понимаешь вскоре,
Как лирная свобода хороша,
Когда колеблет жилы на просторе,
Саму себя хлебнувшая, душа.

От белых храмов Аттики лазурной,
Где запросто спускались боги вниз,
В наш беглый век – болтливый и сумбурный –
Струной забытой туго протянись.

Когда нахлынут горечь и обида
В конце всего – и жизни станет жаль,
До мёртвых стен холодного Аида
Протяжным эхом долго провожай.

* * *

Расставайся с последней любовью,
Не жалей, что вокруг ни души –
Ты уже привыкаешь к зимовью
В заповедной таёжной глуши.

Утопая в снегах по колено,
За свободу теплом заплатив,
Вдалеке от настырного тлена
Выводи свой последний мотив.

Восходи в небеса нелюдимо,
Не найдя заземленья нигде,
Сизой струйкой безвестного дыма
К индевелой сибирской звезде.

Оближи пересохшие губы,
И взмахни на прощанье рукой
У замшелого, старого сруба
Над широкой, таёжной рекой.

* * *

Уже не ропщет заключённый,
И ничего уже не ждёт:
Засовом лязгнет стражник чёрный,
Похлёбку ржавую плеснёт.

Под африканским грубым солнцем
В полуподвале душный смрад:
Кружат и ноют кровососы,
И крысы по углам шуршат.

В потёмках, смешиваясь с грязью,
Изъел терпенье едкий пот;
И нет конца однообразью,
И только смерть – ему исход.

Когда же ночью на рогоже
Тоску смежаю гнойных век,
Я вижу вновь одно и то же:
Холодный, чистый, белый снег.

Лежит в полях, летит снежками,
Ссыпается с еловых лап,
Растёт тяжёлыми комками
Для крепостей и снежных баб.

И оседает у тропинки
Под серой коркою своей,
Когда оделись иглы в льдинки,
Но хвоей тянет всё сильнеей.

Или заснеженную дачу
В далёких соснах узнаю,
И падаю в него – и плачу,
И обнимаю, и жую.

* * *

В затянувшемся плаваньи тянется нудно
Пузырящийся след от руля за кормой,
И тоска в парусах одиссеева судна
Заводила рассказ о дороге домой.

И роняющий пот на полях фараона,
И вмерзающий в лёд сталинградской зимой
На равнинах чужих – до последнего стона
Износили тоску о дороге домой.

Что-то ныло на в детстве уловленный запах,
На туман у воды, на далёкий порог –
И из душных бараков летело на запад,
И от пыльных каштанов ползло на восток.

ПЛЕЯДА

Мише Эльману

Где приносили ласточки весной
 На крыльях весть о близости каникул,
 У бледных нот склоняясь над струной,
 Усердно каждый в комнатке пиликал.

От мазанок, где летом у плетня,
 Пылясь под солнцем, мается подсолнух,
 Вас увозили знатоков пленять
 От первых взмахов до концертов сольных.

Не под державным пристальным зрачком
 В бодрящей лжи над скукой местечковой –
 Вы шли к свободе, поводя смычком,
 Шлифуя звук во имя жизни новой.

От кухонек, где прозябает лук,
 От затхлых будней и потёртой торы –
 Несли по свету этот чистый звук
 И покоряли залы и просторы.

Средь выжженных украинских степей
 Кто наделил вас этим гулким правом,
 Иль в жилах пел Иуда Маккавей
 О жгучей вере и песке кровавом.

Как и у всех – затихнут ваши дни,
И, сетуя, как время быстротечно,
Припомните дорогу вдоль стерни
В огромный мир из пыльного местечка.

* * *

Всё чище, всё легче, всё чаще
(Дюймовочка? птичка? свирель?)
Трепещет и льётся из чаши
Какая-то чудная трель.

Свободно над зеленью свищет,
Справляет забвенью забот,
Всё выше, всё легче, всё чище –
Волнуется, вьётся, зовёт.

И вот уж совсем недалече
Парит над сплетеньем ветвей
Всё выше, всё чище, всё легче,
Прозрачнее, тоньше, светлей.

ПОД СТУК КОПЫТ

*

По мороси скучной,
По вечной грязи
С печатью сургучной
Бумаги вези.

Пусть вязнут колёса
В свои колеи...
Приказы, доносы,
Признанья в любви.

*

С депешей срочной
Промчи седока
Под окрик полночный
И шпоры в бока.

Хрипи перед сменой,
С удушьем борясь,
С горячею пеной
В последнюю грязь.

*

И всадник, и сбруя –
Как всё вам к лицу –
Парадно гарцуя
На ярком плацу.

В одетых на зависть
Гусарских полках
Вдоль юных красавиц
С цветами в руках.

*

Средь бранного пыла,
Поверженных тел
Свирепый Аттила
По полю летел.

Под рёвом героя
Неслась напролом...
И мясо сырое
Несла под седлом.

*

Под грохот и слёзы
От брошенных хат
Тянулись обозы
На дальний закат

От белых и красных
Сквозь годы и дым
В скитаньях напрасных
По травам седым.

*

Меня, пламенея,
Почуешь в раю

И длинную шею
Поднимешь свою

От ровного луга,
От свежей травы,
Приветствуя друга
Кивком головы.

РИМ

Сергею Алиханову

Где, широко расправив крылья,
Над Римом свастика парит,
Концовки арий тянет Джилья,
Блится дуче фаворит.

В дыханьи Рима – запах смерти,
Закатный дым, жужжанье мух,
А в зале пожинает Верди
Плоды затворнических мук.

Ещё терзается на сцене
Страдальца грузное лицо,
Ещё над узником Скорцени
Не дёрнул резко за кольцо.

У ног Марии – Римский папа
В соборе молится Петра,
Ребята хмурые в гестапо
Не унимаются с утра.

Кого-то рвут в глухом подвале,
И он без голоса орёт;
И на всемирном карнавале
Не иссякает хоровод.

И от Нерона до Карузо
В кипеньи праздничной реки
Проносит оперная муза
Свои кровавые клыки.

ОБЛАКА

Рука Адама в небесах
Ещё просохнуть не успела,
Когда в строительных лесах
Пропахла красками капелла.

Как обречённо он один
В своём заляпанном обличье
Среди напыщенных картин
Ветхозаветного величья.

И до сих пор не улеглась,
Всё безысходней с каждым годом,
Слезящихся, опухших глаз
Тоска галерная под сводом.

И всё же дремлющий огонь
Сквозь время краски сохранили:
К ладоне тянется ладонь,
Ладонь у губ Иеремии.

...И поднимаясь от земли
К застывшим драмам и святыням,
Чтобы отсюда унесли –
Выводит белое на синем.

И я хотел бы облака
В их лёгком написать полёте,
Как онемевшая рука
Невольного Буонарроти.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Ещё темно, а над прохладой сада
Уже защёлкал первый соловей,
И льётся безответная рулада,
Упрямый голос в сумраке ветвей.

Зачем он ожил этой мёртвой ранью,
Когда молчат другие соловьи?
О чём он плачет нежною гортанью?
Кому он тянет жалобы свои?

Всё мутноватой зябкой ленью дышит,
В дремотной мгле ни шелеста нигде,
А он поёт – его никто не слышит –
Последней в небе утренней звезде.

Не так ли чувства дремлющие наши
Пронзает вдруг из глубины веков
Прощальный вздох – моление о чаше
Среди глухих своих учеников.

НА СКАМЕЙКЕ

Над изрезанной финкой доскою,
Не успев причаститься пока,
Побратались с осенней тоскою
Беспользные два старика.

Их давно уже прокляли дома,
Притомились – махнули рукой;
И застыла смурная истома
В их глазах, как туман над рекой.

За казармой, заводом, тюрьмою
Со скамейки глядят в пустоту,
Их связало терпенье немое
И угрюмая сухость во рту.

В бесприютной один телогрейке
И в погубленной куртке другой
По округе сшибают копейки,
Чтобы к влаге пробиться благой.

Чтоб забулькало что-то в стакане,
А потом разлилось в алкаше
Всё, что смутно копилось веками
В неприкаянной русской душе.

САНАТОРИЙ

Старуха долго допивает чай,
Оттягивая выбор после чая:
Броди весь день, на лавочке скучай
Или читай, над книгой засыпая.

Старик покорно ждёт, и трёт очки,
Как ветеран далёкую награду...
По вечерам играют в дурачки,
А днём с туманной скукой нету сладу

Ну, сколько можно обходить вдвоём
Пригорок жалкий с рощицей сосновой;
И всё глядеть на тёмный водоём,
Всё ждать и ждать кормления в столовой.

Кругом октябрь... Дорога в пустоту.
И скука по обочинам глухая.
Вот почему остывший чай во рту
Она так долго держит, не глотая.

ПОСЁЛОК

Где к морю узкие тропинки
Сбегают с выгоревших круч,
На роды, свадьбы и поминки
Бросало солнце ровный луч.

Под окнами месили глину,
Коптили утренний улов,
И гнали сонную скотину
На склоны жаркие холмов.

Горела тусклая лампадка
У неподвижных, тёмных глаз,
Просили шёпотом достатка,
Чтобы простил Господь и спас.

В работах тяжелели руки,
Копились хвори и грехи;
Брели на кладбище старухи,
Где их лежали старики.

Хозяйским обводили взглядом
Оградки ветхие в пыли;
И в свой черёд ложились рядом
Под комья брошенной земли...

И вновь – на скалах сушат сети,
Под солнцем бродит жизни смесь,
Как-будто не было на свете
Когда-то промелькнувших здесь.

Над галькой резкий голос чаек..
И набегающий прибой –
Как приговоры чрезвычайек,
Как зов упрямый – в вечный бой.

В СТЕПИ

Разносит ветер тысячи судеб,
Чернеют разорённые поместья...
Какая ночь! Кузнечики и степь.
И дым костра в далёкие созвездья.

Жива ли ты? Не знаю... но жива
Перед прощаньем в утреннем тумане...
Стрекочет... не колышется трава,
И дремлет лошадь, и прядёт ушами.

Здесь у огня – ни мыслей, ни тревог –
Покой и степь в свободе бестелесной,
И не понять: усталость или бог
Отняли волю и объяли бездной.

Сморит под утро запах чабреца,
озябшие угомонятся травы,
и скатится росинка у лица
перед дорогой смутной и кровавой.

НЕМОТА

Опять над жертвами свободы,
Где неподвижные с утра
Лежат у брошенной подводы
В степи кубанской юнкера;

Над неумелою попойкой,
Над первою стрельбою в цель...

...Над неисправленной двойкой,
Над лёгкой Ниночкой в капель;

Над промелькнувшими веками,
Где толп истлела маета,
Над морем, сфинксами, песками
Меня объемлет немота;

Над тягой к свету хлорофилла,
Над набуханием икры,
Над долгой ночью, где бескрыло
Летят незрячие миры;

Где нечто в космосе открытом,
Как средоточье чёрных туч,
Своим чудовищным магнитом
Порабощает света луч;

Где в звёздах массы водорода
В штормах огня всё тяжелей,
Где кружит мёртвая свобода
В игре бессмысленной своей.

* * *

Сестрам Бекбастиевым

Озирает спросонок
Подвернувшийся кров
Этот грустный ребёнок
Из далёких песков.

Снова долгий и зябкий
День студёной зимой...
Банки: вёдра и тряпки.
Переводы домой.

Без угла и свободы
Вы бледны и худы –
И текут через годы
Реки грязной воды.

*

Чахнуть в мире жестоком,
Чтобы лет через пять
Возвратиться к истокам,
Чтоб потеть и рожать.

Гнуть хозяйство, без грусти
Провожая года,
И истлеть в захолустье
Без следов, навсегда.

Где улыбка остынет,
И растают черты,
Где по кочкам пустыни
Разбросало кусты.

*

Дней моих на исходе,
Сожаленья на дне,
Как мечта о свободе,
Ты прижалась ко мне.

В смутном мареве града,
В дикой скачке химер
Ты – покой и отрада,
Как студенческий сквер.

Не задетая гулом,
Ты, как детство, легка,
Как дымок над аулом,
Как глоток молока.

*

Примастись к изголовью,
Потеплее ложись,
Расскажи про коровью
Непутёвую жизнь.

Как верблюд отдыхает
В утомительный день,
Как у дома мелькает
Лёгкой ласточки тень.

Как печёт в огороде
Под гуденье осы,
И по улицам бродят
Беспородные псы.

*

Всё острее и дороже
Мне чужая судьба,
Будь я чуть помоложе,
Я бы выбрал тебя.

Чтобы сиростью мира
Возмущала покой,
Чтобы сердце щемила
Каракумской тоской.

Чтоб со мной разделяла
Перепутья дорог,
Как зверёк савояра –
Любопытный сурок.

ТРОЯ

Осядут в почву городские стены,
 В пластах земли позеленеет медь,
 И только лёгкой поступью Елены
 По плитам Трои суждено звенеть.

и

Растает всё во времени и прахе,
 Всех примирит подземная река,
 И только стон прощальный Андромахи
 Прошелестит в сердцах через века.

Как, горестно выпрашивая тело,
 Валялся царь во вражеском шатре!..
 Прислушалась богиня – и воспела
 Гнев Ахилеса в гулком серебре.

Гекзаметром в ночи многострадальной
 Безумный грек – годам наперекор
 Зажёг костёр над ними погребальный
 И на столетья зарево простёр.

* * *

Так ласточка у кровли юга
Снуёт весь день в весенний зной,
Жилище для себя и друга
Скрепляя клейкою слюной.

Легко заделывает щели
И вновь летит во все концы,
Чтобы тянулись и галдели
Её голодные птенцы.

Её устойчивой заботе
В небесных рейдах – подражай:
Лови пушинки на излёте,
Кусочки почвы собирай.

Высоким напряженьем слуха
Ищи созвучья по степи,
Жилище из земли и пуха
Слюной гармонии скрепи.

С усердьем этой лёгкой птички
Мечте своей создай уют,
И звуки в братской переключке
Тебе в награду запоют.

СОДЕРЖАНИЕ

Кантор	3
«И ревьёт, и лижет вол...»	4
Дворик	5
Командиры	6
Блок	7
Вальс	9
«Скучно шахтёру бродить среди пальм и акаций...»	10
«Ах, вам наверно незнакомо...»	11
«Он проходит походкой упругой...»	13
Кальвин	14
Глухово	15
Кавказ	16
Нелётная погода	18
Командировка	19
Восток	20
Малеевка	21
Над Невой	22
Крым	23
Монах	26
Комар	28
Ёжик	30
Предпочтение	31
«Как ты ворочалась в постели...»	32
Елена	33
О лицах дальних	34
Метель	37

Бараташвили	38
«Всё знакомо на этой тропинке лесной...»	39
В Италии	40
Венеция	42
«Этот крест не отдам никому...»	45
«Был стройный мир и прочен, и велик...»	46
Замерзающий бомж	47
«Всё досталось безлюдью и вьюгам...»	48
«Лучшее, что видел в этом мире...»	49
Лейпциг	50
Две старухи	52
Рихард Штраус. «Метаморфозы»	54
Утро	55
У залива	56
Козловский	58
Апрель	59
Лида	60
Павел	62
Утром	64
Начдив	65
Корганеты	66
Рио	68
Игрок	69
«Над биржами Лондона хмуро...»	70
Сериал	71
«Что толку в яхтах и копилках...»	73
«Как живётся, крошечка?..»	74
Жара	75
Домой	76
«Как это до боли знакомо...»	77
Песок	78
Двадцатый	79
«Так медлит снег, хотя пора настала...»	80
Осенью	81
Детство	83
Гомер	84
Петербург	85
Немая речь	86

«К исходу лета высыхает Крым...»	87
«Я не знаю, мой друг, что сегодня со мной...»	88
Анджей	89
Языческий храм	91
У памятника	92
Индия	93
«Причитала стройная в тетрадках...»	94
«Всё волновало: голос и походка...»	95
«На исходе дня...»	96
«Ну, вот и петух прокричал...»	97
В Ламанче	98
Осенняя соната	99
Басё	102
Снежинки	103
«Как я любил сугробы эти...»	104
Кнорозов	105
«Чтоб не месить грязь...»	106
«Есть место на земле, где бог меня заметил...»	107
Гермес	108
«Расставайся с последней любовью...»	110
«Уже не ропщет заключённый...»	111
«В затянувшемся плавании тянется нудно...»	113
Плеяда	114
«Всё чище, всё легче, всё чаще...»	116
Под стук копыт	117
Рим	120
Облака	122
Перед рассветом	124
На скамейке	125
Санаторий	126
Посёлок	127
В степи	129
Немота	130
«Озирает спросонок...»	132
Троя	135
«Так ласточка у кровли юга...»	136

Виктор Генрихович ГОФМАН

СТО СТИХОТВОРЕНИЙ

На первом клапане обложки:
Франческо дель Косса. Муза Эвтерпа. 1460

Редактор – Б.Н. Романов
Художественное оформление – Д.В. Логинов
Вёрстка – Л.А. Шелкова
Оператор – Т.Е. Барышникова

*Информационная поддержка –
журнал «Новое время» («The New Times»)*

Издательство «Прогресс-Плеяда»
Гл. редактор С.С. Лесневский
125009, Москва, Тверской бульвар, 14. стр. 1, офис 501
Тел./факс: (495) 648-07-86, 648-07-87
E-mail: progresspl@yandex.ru

Подписано в печать 12.12.2013. Бумага офсетная
Гарнитура «Charter». Печ. л. 4,5. Формат 84x108¹/₃₂

ISBN 978-5-7396-0300-5

Отпечатано в цифровой типографии «Буки Веди»
на оборудовании Kopica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»
Москва, Ильменский проезд, 1, корп. 6

Виктор ГОФМАН

родился в 1950 году в Одессе.

С 1962 года живёт в Москве.

Детство прошло в Подмосковье
у озера Сенеж .

Окончил Литературный институт
им А.М. Горького.

Автор книг:

«Медленная река» (1980),

«Волнение звука» (1990),

«В плену свободы» (1996),

«Немая речь» (2008),

«Слепой полёт» (2010),

«Полустанки» (2011),

«Пересыпаемый песок» (2013).

Член союза писателей с1985 года.

